

Яо Шань произнёс с запоздалым страхом:

— История с Финансовым приказом заставила меня ужаснуться той подводной борьбе, что кипит в чиновничьей среде. Чем выше поднимаешься, тем сильнее леденит душу высь, а взглянешь вниз — и каждый шаг внушает трепет.

— В городе Ючжоу наверняка на каждом шагу таится опасность, — заметил Тан Шэнь. — Но, к счастью, Приказ серебряных ассигнаций возглавляет мой старший соученик Ван Цзыфэн, так что там относительно безопасно.

— Ах да! — опомнился Яо Шань. — Как же я забыл! Министр финансов Ван Цюань — твой старший соученик, Цзинцзэ, и именно он стоит во главе Приказа серебряных ассигнаций.

Тан Шэнь лишь улыбнулся в ответ, ничего не сказав.

Яо Шань от зависти едва не позеленел.

— Эх, куда уж мне до тебя, куда уж! Цзинцзэ, когда вернёшься в столицу, ты просто обязан угостить меня вином, да побольше, чтобы заглушить мою зависть. Чувствуешь, как от меня разносится дух завистливого уксуса? Я ведь и впрямь завидую тебе от всего сердца!

Тан Шэнь рассмеялся:

— Договорились!

Днём Тан Шэнь принимал родных и друзей, а вечером устроил дома ужин исключительно для двоих гостей — Ван Чжэня и Фу Вэя.

Учитель и двое его учеников поднесли чаши и пили вместе. За оживлённой беседой и звоном кубков раздавался громкий смех Фу Вэя, который то и дело хвастался картиной, написанной им в этот день. Он нахваливал собственную работу, уверяя, что она вышла невероятно живой и искусной.

Поначалу Тан Шэнь принял его слова за чистую монету. Он подумал, что хотя его учитель и зовётся Хозяином Кабинета Малых Искусств, а его каллиграфия и впрямь считается непревзойдённым чудом Великой Сун, рисует тот довольно посредственно. Неужели сегодня ему действительно удалось создать шедевр? Однако, повернув голову, он встретился взглядом с Ван Чжэнем.

В чистых глазах Ван Чжэня плескались насмешка и сдерживаемый смех. Ничего не говоря, он молча наклонил голову и ел угощения, пока Фу Вэй вдохновенно предавался бахвальству.

Лишь тут Тан Шэнь понял, что учитель ничуть не уступает ему самому в искусстве лести. Разница заключалась лишь в том, что Тан Шэнь рассыпал пышные дифирамбы окружающим, а Фу Вэй с тем же упоением воспевал сам себя!

Что ж, судя по всему, картина получилась весьма средненькой — вполне в привычном стиле учителя.

По окончании трапезы Фу Вэй отправился домой первым, поскольку Поместье Фу находилось довольно далеко от дома Тан Шэня, а Ван Чжэнь остался.

Когда Тётушка Яо убрала со стола подносы и посуду, Тан Шэнь и Ван Чжэнь вышли

прогуляться во двор.

Поместье Таньхуа было не слишком большим — обычная усадьба из трёх внутренних дворов, к которой справа примыкал восточный флигель. Сад располагался в северо-западном углу: там находился небольшой пруд, окружённый бамбуковой рощицей. Стоял третий месяц, весна только вступала в свои права, и вечерний ветерок, касаясь лица, не нёс стужи, а лишь дарил приятную, освежающую прохладу.

Идя вдоль края пруда, Тан Шэнь произнёс:

— Старший соученик сам выбрал для меня этот дом под Поместье Таньхуа, но ведь ты впервые видишь его наяву?

— Если иметь в виду возможность пройти по всему дому, то действительно впервые, — ответил Ван Чжэнь.

— А мне очень нравится эта бамбуковая роща, — Тан Шэнь остановился у края бамбуковых зарослей и обернулся к Ван Чжэню. — Бамбук — благородный муж среди растений, весной от него нет дурманящего благоухания цветов. Устроить кабинет по соседству с ним — лучшее решение для тишины и уединения.

Вскоре они вошли в кабинет Тан Шэня.

Ван Чжэнь не впервые переступал порог Поместья Таньхуа, однако в кабинет Тан Шэня вошёл впервые.

Тан Шэнь решил лично сходить на кухню и налить чаю для Ван Чжэня. Перед уходом он сказал:

— Старший соученик может посмотреть всё, что пожелает. Книг у меня, конечно, меньше, чем у тебя, но тоже немало.

Спустя некоторое время Тан Шэнь вернулся с подносом в руках. Войдя в комнату, он увидел, что Ван Чжэнь стоит у дальнего уголка книжного шкафа и рассматривает несколько книг по чайному искусству. Тан Шэнь вздрогнул от неожиданности, но быстро взял себя в руки, не подав и виду. Поставив поднос на стол, он с улыбкой спросил:

— Старший соученик, ты не проголодался по чаю? Хочешь выпить немного? Это чай Билочунь, который мой двоюродный брат привёз из управы Гусу.

Ван Чжэнь поставил книгу на место, взял пиалу и сделал глоток.

— Старший соученик только что листал книги о чайном искусстве?

Ван Чжэнь бросил взгляд на тома, которые только что вернул на полку, и уголки его губ слегка изогнулись:

— Да. У твоего младшего соученика и впрямь есть книги, которых нет у меня. Не одолжишь ли ты их мне прочесть дома?

— Разумеется, — отозвался Тан Шэнь и сам достал для Ван Чжэня несколько книг по чайному мастерству. Когда он вытащил эти тома, соседние книги на полке сдвинулись и накренились, прикрыв образовавшуюся пустоту. Тан Шэнь небрежным движением поправил их, убедившись,

что образовавшийся проём полностью скрыт, и с улыбкой обратился к Ван Чжэню: — Что ещё тебе хотелось бы почитать, старший соученик?

Ван Чжэнь, казалось, не заметил махинаций Тан Шэня и произнёс:

— Кажется, я только что видел здесь ещё один сборник повестей о чудесах и призраках времён прошлой династии.

— Неужели старшему соученику нравятся повести о невероятном? — удивился Тан Шэнь.

— А разве это не младший соученик любит подобные истории и даже держит одну в своей коллекции? — возразил Ван Чжэнь.

— Я просто случайно наткнулся на неё, посчитал название любопытным и купил прочесть, — пояснил Тан Шэнь.

— Вот и я по той же причине.

Тан Шэнь прекрасно понимал: соревнуйся он в красноречии, хоть десять Тан Шэней не смогут переспорить одного Ван Цзыфэна. Сложив выбранные книги, они уселись на кушетку в кабинете и предались воспоминаниям о былом.

Тан Шэнь впервые рассказал о том, как в тринадцать лет увидел свиток, на котором Фу Вэй написал картину, а Ван Чжэнь вывел каллиграфическую надпись.

На лице Ван Чжэня отразилось изумление:

— Неужели было такое?

Глядя на изумлённое лицо своего старшего соученика, Тан Шэнь почувствовал глубокое удовлетворение. Заставить Ван Чжэня удивиться — задача не из лёгких, поэтому он с чувством гордости продолжил:

— Именно так. Тогда я ещё не знал, что Хозяин Кабинета Малых Искусств — наш учитель. Но увидев твою великолепную каллиграфию, я навсегда запомнил имя Ван Цзыфэн. По правде говоря, я тогда даже задумывался над тем, каково твоё настоящее имя.

Цзыфэн было взрослым именем Ван Чжэня, а его личным именем являлось Чжэнь.

Как правило, взрослое имя у древних либо несло в себе глубокий подтекст, либо выражало надежды старших, либо соотносилось с личным именем.

К примеру, Конфуций носил имя Цю и взрослое имя Чжунни. «Чжун» означает «второй», и поскольку Конфуций был вторым ребёнком в семье, его нарекли Чжунни. Или же Цюй Юань с взрослым именем Гуанпин: равнинные земли называют словосочетанием «гуанпин», что напрямую перекликается с личным именем Юань — «равнина».

У Ван Чжэня взрослым именем было Цзыфэн. Когда Тан Шэню исполнилось тринадцать, он про себя размышлял: «Цзы» — лишь уважительная приставка, не несущая особого смыслового значения, а значит, суть его имени заключается в иероглифе «Фэн».

«Фэн» обозначает пышность, изобилие, процветание и красоту.

«Неужели Ван Цзыфэн настолько хорош собой, что ему дали имя Фэн?» — думал он тогда.

Как выяснилось позже, при первой встрече с Ван Чжэнем Тан Шэнь действительно был пленён изумительной внешностью старшего соученика. Но ему всё казалось, что за этим кроется нечто большее.

Ван Чжэнь с таинственным видом спросил:

— И к какому же выводу ты пришёл?

Тан Шэнь подсознательно прибег к привычным комплиментам:

— Я подумал, что старший соученик непременно должен быть человеком благородным и ослепительно красивым, оттого его и нарекли Цзыфэн.

— Твоя догадка недалеко от истины, — произнёс Ван Чжэнь.

Тан Шэнь: «...»

«А вы, старший соученик, поистине скромностью не страдаете».

— Младший соученик уже упоминал, что пытался разгадать тайну моего имени. Ван Чжэнь... иероглиф «Чжэнь» взят из песни «Чжэнь Вэй» канона «Ши цзин». Реки Чжэнь и Вэй — это полноводные, изобильные артерии. В год моего рождения отец в одиночку отправился на службу в Цзечжоу, через эти земли как раз протекала река Чжэнь. В тот год её воды были щедрыми, но не вышли из берегов, что принесло богатый урожай по обеим сторонам реки. Отец успешно справился с управлением Цзечжоу и удостоился высочайшей награды от императора. Как раз в это время появился на свет я, и когда письмо из дома от Клана Ван из Ланъя прибыло в Цзечжоу, отец нарек меня именем Чжэнь.

Ван Чжэнь тихо декламировал строки из поэмы:

— «Реки Чжэнь и Вэй широко и бурно текут...» Поэтому, когда я достиг совершеннолетия и совершил обряд надевания головного убора, мне дали взрослое имя Фэн. В знак пожелания, чтобы воды реки Чжэнь каждый год оставались щедрыми, а блага простирались на тысячи ли.

Всем нравится слушать интересные истории, а в исполнении Ван Чжэня с его чарующим голосом повествование вышло особенно захватывающим. Тан Шэнь слушал с превеликим удовольствием.

— Не думал, что у имени старшего соученика такая глубокая история, — промолвил Тан Шэнь.

— Помню, как младший соученик когда-то декламировал мне эту песню «Чжэнь Вэй», — заметил Ван Чжэнь.

Услышав это, Тан Шэнь почувствовал, что здесь кроется какая-то нестыковка.

Что значит «декламировал тебе „Чжэнь Вэй“»?

«Чжэнь Вэй» — знаменитое любовное стихотворение из «Ши цзин», с помощью которого юноши и девушки признавались друг другу в чувствах. Люди читают его, лишь когда хотят признаться в любви! Четыре года назад он и впрямь декламировал эти строки Ван Цзыфэну, но исключительно потому, что в них звучало имя Ван Чжэня, и уж вовсе не для того, чтобы выразить свои чувства!

Однако слова Ван Чжэня формально не содержали ошибки.

Тан Шэнь неловким тоном пробормотал:

— ...Я и впрямь однажды читал тебе эти стихи, старший соученик.

— То был день моего рождения, и младший соученик к тому же преподнёс мне нефритовый подвес и ароматический саше, — добавил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь вскинул голову:

— М-м?

Колышущийся свет свечи озарял холодное и благородное лицо Ван Цзыфэна. Его сдержанные, чистые глаза, подобные льдам на горных вершинах, внезапно растаяли, озарившись мягкой улыбкой. Ван Чжэнь слегка повёл пальцами — Тан Шэню на мгновение показалось, будто перед глазами что-то блеснуло. Он присмотрелся к правой руке Ван Чжэня.

В полумраке свечей Ван Чжэнь плавно приподнял руку, и меж его длинных, изящных пальцев соскользнул шёлковый шнур с кистью, на конце которого покачивалась безупречно белая, прозрачная резная нефритовая подвеска.

<http://bllate.org/book/18292/1757309>